

Пестова Н.В.

Современное экспрессионизмоведение России: обзор новейших научных исследований

Аннотация: Обзор посвящен новейшим диссертационным исследованиям (2016–2017) немецкого, австрийского и русского экспрессионизма. Они выполнены как в отечественных традициях сопоставительного литературоведения, истории и теории литературы, так и в русле новейших научных парадигм когнитивной лингвистики, дискурсивного анализа, постмодернистских теорий.

Ключевые слова: экспрессионизм, современные научные парадигмы, методы научного анализа, традиция.

Немецкоязычный литературный экспрессионизм на протяжении последних двадцати лет продолжает оставаться актуальным, востребованным научным сообществом объектом исследования российского ученого-литературоведа и лингвиста. Поразительная современность и актуальность философской и эстетической платформы экспрессионизма для современной литературы и искусства доказаны множеством авторитетных научных форумов и публикаций. Его полная адекватность современным реалиям и явное или скрытое присутствие во всех жанрах литературы и искусства XXI века мотивируют исследователей на поиск ответов на вопросы, почему же именно экспрессионизм как духовное движение, как художественно-эстетическая система, как тип художественного мышления безусловно лидирует среди всех художественных направлений и течений по степени продуктивного осмысления и революционного обновления литературной традиции, по роли в формировании основных авангардистских концептов и по значимости для дальнейшего развития мировой литературы модернизма и постмодернизма. Отечественное экспрессионизмоведение долгие годы заметно отставало от зарубежного. «Энциклопедический словарь экспрессионизма», вышедший в ИМЛИ РАН под ред. П.М.Топера в 2008 г., в значительной степени сократил этот разрыв и восполнил дефицит научного знания о феномене, однако он же еще раз убедительно продемонстрировал проблему «поразительной негомогенности» явления и высветил существующие лакуны.

Так, диссертация **Ю. В. Красовицкой «"Der neue Mensch" в**

немецкой экспрессионистской драме». Москва, 2017 успешно продолжила формирование целостного и детального представления о драматургии экспрессионизма и сосредоточилась на ее малоизученных аспектах. К ним, во-первых, следует отнести обращение к драматургам экспрессионизма, стоявшим вне поля зрения отечественной критики: Э. Барлаху, Р. Гёрингу, Г. Йосту, Ф. фон Унру, Р. Й. Зорге, и к тем произведениям более известных драматургов (К. Штернгейма, В. Газенклевера, Й. Р. Бехера), которые не были специальным объектом изучения. Огромной заслугой данной диссертации является тот факт, что в научный оборот вводится множество малоизвестных и непереведенных на русский язык текстов, некоторые из них вообще никогда не фигурировали в работах об экспрессионистской драме. Во-вторых, новаторским представляется попытка создания оригинальной классификации драм экспрессионизма в соответствии с доминированием в них христианских, ницшеанских или социалистических воззрений. На примере 48 более или менее известных драматических произведений, а также 35 философских сочинений самих экспрессионистов и множества трудов философов (Ф. Ницше, А. Бергсон, Г. Зиммель), влиявших на умы этого поколения, автор работы делает справедливые обобщения об «общевропейской тенденции к обмирщению сознания», приходит к заслуживающим внимания выводам о различиях экспрессионистских и ницшеанских представлений об обновлении и «новом человеке», прослеживает процесс подготовки «создания экспрессионистской антиутопии» и изменения в политических воззрениях экспрессионизма [Красовицкая 2017: 6]. Таким образом, актуальные для экспрессионизмоведения проблемы о философской базе экспрессионизма, о степени влияния Ницше на него, о религиозных воззрениях представителей этого движения, о возможности «вторжения художника в политику» находят в диссертации новые ракурсы рассмотрения и значительно обогащают традиционные представления о них.

В таком же традиционном направлении углубления и получения нового знания о широко известном объекте изучения выстроена работа **Н. И. Ковалева «Традиции литературы барокко в творчестве Г. Бенна». Москва, 2016.** Г. Бенн – один из самых всесторонне изученных авторов экспрессионизма, исследованию его творчества посвящены работы самых известных зарубежных и отечественных литературоведов, но Н. И. Ковалев делает предметом своего научного сочинения «своеобразие философско-художественной интерпретации барочных мотивов и принципов барочной поэтики» в разные периоды

творчества поэта [Ковалев 2016: 3]. Экспрессионизмоведение постоянно обращается к диалогу между экспрессионизмом и предыдущими течениями и стилями: готикой, барокко, югендстилем⁸, исследует обращение экспрессионистов непосредственно к опыту немецких романтиков А. фон Арнима, К. Брентано, Новалиса, Л. Тика, творчество которых занимало юных представителей экспрессионистского поколения со студенческой скамьи и широко представлено уже в их докторских диссертациях⁹. Автор обсуждаемой диссертации фокусирует внимание на выявлении концепций, под воздействием которых формировались взгляды Г. Бенна на барокко, отыскивает «следы барокко» в его произведениях и систематизирует их. Хорошо изученная поэтология Бенна обогащается новым штрихом о своеобразии бенновской трактовки барокко как яркого примера «бароккоподобных явлений в современной литературе» [Там же:18].

Задачи двух следующих диссертаций решены с помощью обращения к другим научным парадигмам и соответствующим им методам исследования. Так, новизну кандидатской диссертации **В. А. Порунцова** на тему «**Художественный мир малой прозы немецкого экспрессионизма 1910-х гг.: Георг Гейм, Альфред Дёблин, Готфрид Бенн**», **Иваново, 2016** обеспечил новый ракурс видения очень хорошо известного материала. В. А. Порунцовым был предложен анализ этого материала с помощью иного категориального аппарата, не используемого широко в традиционной системе координат зарубежного и отечественного экспрессионизмоведения. С точки зрения методологии научного исследования, такой путь непременно должен привести к получению нового знания об объекте исследования. В. А. Порунцов, выбрав такую стратегию, поместил в центр исследования постмодернистскую версию понимания характера соотношения субъекта и объекта художественного произведения и сделал в разборе широко известных новелл акцент на такой категории,

⁸ *Luther G.* Barocker Expressionismus? Zur Problematik der Beziehung zwischen der Bildlichkeit expressionistischer und barocker Lyrik. The Hague; Paris: Stanford Studies in Germanistics and Slavics, 1969. Vol. 6.; *Fritz H.* Literarischer Jugendstil und Expressionismus: zur Kunsttheorie, Dichtung und Wirkung Richard Dehmels. Stuttgart, 1969; *Jost D.* Literarischer Jugendstil. Stuttgart: Metzler, 1969; *Jugendstil*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1971; *Jost D.* Jugendstil und Expressionismus // Expressionismus als Literatur. Gesammelte Studien. Bern; München: Francke, 1969. S. 87–106; *Bushart M.* Der Geist der Gotik und die expressionistische Kunst: Kunstgeschichte und Kunsttheorie 1911–1925. München: Verlag Silke Schreiber, 1990.

⁹ Р. Кайзер писал диссертацию на тему «Arnims und Brentanos Stellung zur Bühne», А. фон Хатцфельд – «Achim von Arnims „Kronwächter“ und der romantische Roman», Г. Мюллер – «Die Magien in Clemens Brentanos Romanzen vom Rosenkranz», М. Пульфер – «Romantische Ironie und romantische Komödie».

как «телесность», и ее соотношении с сознанием. В результате тезис о семиотизации тела получил в интерпретации экспрессионистской прозы оригинальные линии развития, а понятие «психическое событие» наполнилось новыми смыслами и обеспечило исследователю свою собственную точку зрения в анализе произведений. Широкое обобщение и осмысление в новом ракурсе вопросов телесности, которыми, действительно, так насыщена экспрессионистская проза и размышления о которых рассыпаны по многочисленным трудам экспрессионизмоведения, составили одну из заслуг данного исследования. Обращение к «историческому характеру проблемы телесности» и рассмотрение этой категории сквозь призму «семиотического расширения образа человеческого тела» позволило В. А. Порунцову сформировать свое видение проблемы применительно к малой прозе экспрессионизма и тем самым обогатить трактовку ее своеобразия, сложившуюся в традиционном литературоведении. Автору диссертации удалось выявить особый характер субъектно-объектных связей, отличающих экспрессионизм от других авангардных течений. Особой заслугой данной диссертации представляется та самая «динамизация перспективы восприятия» модернистского текста, о которой, пусть и в ином контексте, говорил один из патриархов экспрессионизмоведения С. Вьетта. Любопытно, что речь в данном сочинении идет не только и не столько об экспрессионистской прозе как таковой, сколько о том, как по-новому ее можно прочитывать современному читателю, вооруженному культурной оптикой XXI века.

Докторская диссертация **Ю. Г. Тимралиевой «Языковая картина мира немецкого литературного экспрессионизма (на основе анализа малоформатных текстов)»**, представленная на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.04 – германские языки в Санкт-Петербурге, направлена на решение проблемы отсутствия системного, панорамного взгляда на собственно лингвистику текстов экспрессионизма. Разумеется, язык экспрессионистской лирики, драмы и прозы всегда был и есть в центре внимания зарубежных и отечественных экспрессионизмоведов: исследованы лексический состав, синтаксис, метроритмические особенности, стилистический уровень, «звукоживопись», окказиональное словообразование и др. языковые явления в творчестве разных авторов. Однако на сегодняшний день в экспрессионизмоведении, пожалуй, не найти такой работы, в которой бы столь скрупулезно и пошагово, от одного языкового уровня к другому и, таким образом, от фонетики до жанра, включая особенности

стихосложения и композиции, на широчайшей эмпирической основе, а следовательно, достоверно и обоснованно, был проведен последовательный и непротиворечивый *лингвистический анализ текстов*, в результате которого вырисовывается целостная «языковая картина мира» экспрессионизма и который позволяет размышлять о существовании некоего специального экспрессионистского творческого метода, в чем экспрессионизму неизменно отказывали на протяжении вот уже сотни лет существования феномена.

Отечественное, да и зарубежное литературоведение в основном не приветствовало «вторжение» в свое традиционное исследовательское пространство «чуждых» истории и теории литературы методов и методик изучения литературного материала. Необозримое количество литературоведческих работ в экспрессионизмоведении – при всей недосказанности в поле оценки явления – создало ощущение некоторой исчерпанности темы. Очевидно, что назрела необходимость какой-то иной методологии изучения феномена, которая бы открывала новые исследовательские горизонты и при этом не заводила бы в тупик осознания отсутствия «единого стиля» экспрессионизма. Ведь тогда вопрос о том, за счет чего же он, все-таки, остается некой целостной художественной системой, продолжал бы оставаться открытым. Попытки его изучения в иной научной парадигме уже предпринимались в отечественной науке, но при всей ее междисциплинарности они, тем не менее, не нашли широкой поддержки из-за обращения к не свойственным литературоведению порядкам лингвистического анализа и интерпретации. Ю. Г. Тимралиева предлагает в качестве методологической базы исследования сложнейшего литературного материала научный инструментарий когнитивно-дискурсивной лингвистики, теоретически обосновывает его правомерность и весомым практическим результатом доказывает эффективность дискурсивного анализа применительно к объекту исследования: лирике и малой прозе экспрессионизма. Благодаря такому инструментарию устанавливается отсутствовавшая скрепа, удерживающая негомогенный феномен в границах узнаваемого явления – автор диссертации называет ее «когерентностью дискурсивной формации». Таким образом, речь ведется не об отдельных стилях авторов и их произведений, темах и мотивах, «метафорах эпохи» (С. Виетта), приемах деформации действительности и языка, как это обычно происходит в экспрессионизмоведении, а об особенной семантике и прагматике экспрессионистского дискурса как единого художественного пространства. Избранная методология, с одной стороны, позволила

систематизировать и структурировать огромный эмпирический материал, выстроить его интерпретацию в определенные порядки и ряды, которые также следует рассматривать как элементы нового знания («субъектная деформация», «объектная деформация», «трансформация субъектно-объектных отношений»). С другой – сама методология имеет объяснительную силу, т.к. организует и интерпретирует текстовую материю как результат процессов концептуализации и категоризации действительности в особой экспрессионистской оптике в конкретный историко-культурный период времени конкретного немецкоязычного пространства. Центральное понятие диссертации «языковая картина мира» экспрессионизма при всей своей мозаичности, фрагментарности, раздробленности, «одновременности неодновременного» (Э. Бласс) постепенно складывается, обрастает «плотью» множества художественных текстов. Данная диссертация также актуализирует множество малоизвестных художественных текстов, которые можно рекомендовать как один из лучших учебных объектов в освоении герменевтического метода.

На фоне неугасающего интереса к немецкоязычному экспрессионизму в современном зарубежном и отечественном литературоведении историки русской и зарубежной литературы не могут не задаваться вопросом о существовании, степени самостоятельности и самобытности русского экспрессионизма, о его типологическом родстве с немецкоязычным феноменом. Этим проблемам посвящены диссертации **М. А. Шестаковой** на тему **«Становление поэтики русского экспрессионизма в литературе 1900-1920-х годов»**, Саратов, 2017 и **В. С. Наумовой** **«Поэзия немецкого экспрессионизма и ее русская рецепция (1920-е годы)»**, Екатеринбург, 2016. Различный масштаб и значение изучаемых явлений, как отмечает В. С. Наумова, не исключает возможности и продуктивности их исследования в сравнительно-историческом аспекте. Русские поэты-экспрессионисты опирались на немецкие образцы, но, по справедливому замечанию автора, отнюдь не абсолютизировали их значение, интерпретируя общие темы эпохи в соответствии со своим собственным социальным и эстетическим опытом [Наумова 2016: 4]. Предложенная М. А. Шестаковой научная парадигма изучения явления как типа творческого сознания и как приема, объединенных общей природой художественного высказывания, также позволяет рассматривать весьма разрозненные интернациональные поэтические явления и историко-литературные факты в единой оптике традиционного экспрессионизмоведения и

снимает целый ряд дискуссионных вопросов о статусе русского экспрессионизма в общеевропейском литературном процессе. Обе работы отличаются обостренным вниманием к деталям поэтического высказывания, к системе образов и приемов в большом количестве художественных текстов. В диссертации М. А. Шестаковой проведена большая кропотливая работа по оригинальному осмыслению значительного корпуса русской поэзии и малой прозы первой четверти XX века (Л. Н. Андреев, Ипп. Соколов, С. Спасский, Б. Лапин, Е. Габрилович, Б. Зименков, Г. Сидоров, В.В. Маяковский, Б. Л. Пастернак, М. Кузмин, А. Радлова, Н. С. Гумилев и др.). Тщательно разобравшись с «собственно экспрессионистами» и «временными попутчиками», автор работы «наводит порядок» в весьма хаотичном экспрессионистском «хозяйстве» русской литературы этого периода ее развития. Эта диссертация в некоторых аспектах перекликается с выводами В. А. Порунцова: М. А. Шестакова установила, что в текстах всех представленных в работе авторов обязательно присутствуют «физиологические образы и метафоры», что свидетельствует в пользу новейших концепций о выстраивании художественного мира экспрессионизма на основе категории телесности, или соотношении тела и сознания, как особой конфигурации субъектно-объектных отношений в экспрессионистской картине мира. Таким образом, автор диссертации, не ставя себе такую конкретную задачу, в ходе анализа форм поэтического высказывания обнаруживает болевую точку схождения и важнейший вектор в типологическом родстве всех представителей экспрессионистского мироощущения, которое в немецкоязычной версии называется «Weltgefühl». Этим точным наблюдением М. А. Шестакова подтверждает перспективность дальнейшего исследования русского экспрессионизма в широком интернациональном контексте.

Материалом сопоставительного исследования В. С. Наумовой послужили литературные манифесты, критическая проза и поэтические произведения, созданные представителями немецкого и русского авангарда в 1910-1920-е годы: критические статьи К. Эдшмида, Г. Бара, К. Пинтуса, П. Хатвани, литературные манифесты Ипп. Соколова, лирические произведения С. Спасского, Е. Габриловича, Б. Лапина, его же художественные переводы немецкой поэзии экспрессионизма. В фокусе зрения исследователя также поэты, переводчики, не входившие в группу русских экспрессионистов, но увлеченные экспрессионистской поэзией Германии – Б. Пастернак, А. Луначарский, В. Нейштадт, С. Тартаковер. В качестве немецкоязычного материала для

сопоставления избраны произведения немецких экспрессионистов, вошедшие в антологию «Сумерки человечества» (стихотворения Я. ван Ходдиса, Г. Гейма, А. Лихтенштейна, А. Эренштейна). Это – первый опыт комплексного анализа различных форм русской рецепции теоретических позиций и лирических текстов, характерных для немецкого экспрессионизма. Автором работы установлена взаимосвязь между содержанием литературных манифестов, легитимировавших создание экспрессионистских группировок в России, оригинальным поэтическим творчеством их участников, сложившимся под известным влиянием поэтики немецкого экспрессионизма, и поэтическими переводами, вошедшими в историю русского авангарда и образующими малоизвестную главу этой истории. На множестве поэтических текстов В. С. Наумова доказывает, что поэтическая практика русского экспрессионизма смысляет и интерпретирует ряд художественных открытий немецкого экспрессионизма – принцип отчуждения и «очуждения», прием монтажа, тему «диссоциации субъекта» и «обновления человечества». Образы конца света, войны и любви в русском экспрессионизме обнаруживают определенное сходство с их трактовкой в немецком. Установлено, что переводы Б. Лапина способствовали обогащению поэзии русского авангарда элементами поэтики немецкого экспрессионизма, которые подверглись переосмыслению на фоне национальной поэтической традиции и актуальной социокультурной ситуации в России. В диссертации В. С. Наумовой сделан важный вывод о том, что «”Большой” экспрессионизм в Германии и ”малый” экспрессионизм в России являются элементами общей для них системы европейского авангарда и варьируют ее инвариантные признаки» [Там же].

В заключение данного обзора позволю себе высказать следующее суждение: если в последней трети XX века такой объект исследования, как немецкоязычный (немецкий и австрийский) и русский экспрессионизм, был интересен и в виде художественных текстов реально доступен довольно небольшому количеству отечественных филологов, то в первые два десятилетия XXI века мы наблюдаем почти такой же всплеск этого научного интереса, который был зафиксирован в Германии с 1960-х гг. и в Австрии с 1990-х гг. Научная мобильность молодых исследователей, совместные российско-немецкие проекты (магистратура, аспирантура) в ведущих университетах России, Германии и Австрии, научные гранты, зарубежные стипендии и стажировки, практически безграничные возможности новых информационных технологий сняли все прежние технические

ограничения и ввели этот огромный пласт труднодоступного ранее литературного материала в отечественное научное пространство. Столь сложно организованная текстовая материя, как экспрессионистские тексты, стала настоящим вызовом для филолога-исследователя. «Трагический нерв» экспрессионистской поэтики и эстетики удивительным образом срезонировал в современных условиях необычайно усложнившегося человеческого бытия и зыбкости ориентиров. Совсем молодые исследователи бесстрашно и с большим энтузиазмом погрузились в те экзистенциальные бездны, в которые сто лет назад впервые широко открытыми глазами осмелился заглянуть немецкий и австрийский экспрессионизм. Выскажу также предположение, что не только количество, но и научный уровень работ, посвященных этой проблематике, дают право говорить о становлении «русского экспрессионизмоведения». Двухязычная перспектива изучения феномена, равно как и многочисленные переводы этих сложноорганизованных текстов, открыли возможности иного научного взгляда, отличного от любого монокультурного исследования. И в завершение несколько слов совсем личного характера: отчищая в конце 1990-х годов от мха и ржавчины не ухоженную по сравнению с другими могилу Курта Пинтуса на городском кладбище в г. Марбахе, я была уверена в том, что не пройдет и четверти века, как его имя станет известным в России, а составленная им антология экспрессионистской лирики «Сумерки человечества» войдет в список литературы, обязательной для изучения в профессиональной подготовке литературоведов и историков литературы. Наш обзор еще раз доказывает, что это случилось.

Литература

Ковалев Н.И. Художественный мир малой прозы немецкого экспрессионизма 1910-х гг.: Георг Гейм, Альфред Дёблин, Готфрид Бенн. Автореф. дисс. ... канд. фил. наук. – М., 2016. – 19 с.

Красовицкая Ю. В. «Der neue Mensch» в немецкой экспрессионистской драме». Автореф. дисс. ... канд. фил. наук. – М., 2017. – 24 с.

Наумова В. С. Поэзия немецкого экспрессионизма и ее русская рецепция (1920-е годы). Автореф. дисс. ... канд. фил. наук. – Екатеринбург, 2016. – 19 с.

УДК 321.112.2.(091)(049.32)
ББК Ш33(4Гем)6